

бокъ; ушибъ нѣсколько поболѣлъ, но скоро прошелъ. Однако въ слѣдующемъ году Иванъ Ильичъ сталъ чувствовать неловкость и тяжесть боку живота, появилось дурное расположеніе духа и раздражительность. Онъ обратился къ знаменитому въ городѣ врачу, который высказалъ предположеніе, что у больного не то блуждающая почка, не то болѣзнь слѣпой кишки. Иванъ Ильичъ началъ лечиться; но боль не уменьшалась, а усиливалась, аппетитъ и силы слабѣли. Иванъ Ильичъ почувствовалъ, наконецъ, что-то «страшное, новое и значительное, чего значительнѣе въ жизни его никогда не было. Что-то ужасное, неслыханное завелось въ немъ; не переставая сосеть его и неудержимо влечь къ куда-то!»

Въ концѣ 1881 года Иванъ Ильичъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и измѣнился до неузнаваемости. Тутъ онъ обратился къ другому врачу. Этотъ нашель, что у него «одна штучка—маленькая штучка въ слѣпой кишкѣ; но что это можетъ поправиться — произойдетъ всасываніе и все пройдетъ». Однако лучше не было, Иванъ Ильичъ началъ приходиться въ отчаяніе: «Слѣпая кишка! почка! говорилъ онъ себѣ; не въ слѣпой кишкѣ, не въ почкѣ дѣло, а въ жизни и .. смерти. Да, жизнь была и вотъ уходитъ; уходитъ, и я не могу удержать ее».

Дѣло шло все хуже и хуже; пришлось уже постоянно для облегченія болей прибѣгать къ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія. Начался рядъ непрерывныхъ страданій. Домашніе Ивана Ильича продолжали жить своей жизнью, а онъ, одинъ, страдалъ въ своей спальнѣ на попеченіи симпатичнаго ему кухоннаго мужика Герасима. Ночью Герасимъ сидитъ, бывало, въ ногахъ больного на постели, а тотъ лежитъ, положивъ ему на плечи свои исхудалыя ноги въ чулкахъ, такъ какъ приподнятое положеніе ногъ облегчало его боли.

Дѣло шло и подошло къ концу... Три дня передъ смертью больной не переставалъ кричать.

«Съ этой минуты начался тотъ, три дня не переставшій крикъ, который такъ былъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его. — У! У! У! кричалъ онъ на разныя интонаціи. Онъ началъ кричать «не хочу» и такъ и продолжалъ кричать на букву «у». Все три дня, въ продолженіе которыхъ для него не было времени, онъ барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, въ который просовывала его невидимая, непреодолимая сила. Онъ бился, какъ бьется въ рукахъ